

«АВТОР» И «ГЕРОЙ» В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ

А.О.ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ*

Автор статьи, представляя нарративный подход в психотерапии, различает в личности клиента две инстанции и, соответственно, два персонажа. Первый – тот, что раскрывается непосредственно в процессе психотерапии, – назван Автором, второй, представление о котором создается на основе рассказа клиента о самом себе, – Героем. Драма отношений между этими двумя персонажами и становится предметом теоретического рассмотрения. В статье очерчиваются основные особенности нарративного подхода. Представлен анализ функций и характеристик, присущих позиции Автора как «субъекта жизненного пути»; рассматриваются разновидности соотношения Автор-Герой. Статья сопровождается многочисленными ссылками на клинические случаи.

Проблема восприятия клиента психотерапевтом – одна из основных в психотерапевтической практике. В процессе психотерапии тот образ самого себя, который клиент пытается нам предъявить, нередко заслоняет подлинную его личность. Поэтому с целью разграничения этих двух ипостасей человека – первой, в которой он реально раскрывается нам в процессе психотерапии, здесь-и-теперь, и второй, представление о которой складывается на основе рассказа клиента о себе, – мы в своей работе используем две категории: *автор* и *герой*.

Подобный подход берет свое начало в нарративной психологии, где человеческая жизнь рассматривается как история или текст. В основании нарративной психологии и психотерапии лежит положение, согласно которому люди нуждаются в том, чтобы касающиеся их разрозненные события, мысли и чувства были объединены в рамках повествования. Рас-

* *Преображенская Анастасия Олеговна* – аспирантка МГППУ, факультет психологического консультирования.

сказывая о себе, человек выделяет в жизненном потоке события своего настоящего, прошлого и будущего, придавая им новый смысл и формируя тем самым особую реальность. Понятие «нарратив» содержит также идею непрерывности и уникальности человеческого опыта. Особое место в нарративной практике принадлежит идее о том, что доминирующие истории создаются в социуме, и человек подвержен их влиянию, иначе говоря, воспринимает свою жизнь определенным способом, поощряемым его социальным окружением. Таким образом, метафора «текста» или, точнее, «истории» (организованного особым образом текста) в нарративной психологии является объяснительным принципом для описания внутренней реальности человека.

Но если жизнь человека организована в форме повествования, то встает закономерный вопрос: *кто и как пишет этот текст?* Конечно, социальное окружение задает доминирующие нарративы, но, даже принимая их и тем или иным образом включая в свою жизненную историю, человек организует и говорит о них определенным и только ему присущим способом. Таким образом, в структуре личности человека можно выделить *инстанцию, организующую повествование и придающую событиям смысл.*

В различных психологических направлениях эта инстанция имеет различные названия. В.Деймон и Д.Харт в своей концепции самопонимания, реализуемой в русле психологии развития, мыслят эту инстанцию как «Я-познающее», выделяя наряду с ним и «Я-познаваемое» (Знаков, 2002). Тот же феномен обозначил и Карр: иногда Я наблюдаю свое действие, как будто его совершает другой человек, и Я не понимаю, что он делает, и мне необходимо, чтобы кто-то мне это объяснил. Карр называет это таким видом сознания, которое «производит смысл» действия, где «Я (нарратор) рассказываю или вспоминаю или объясняю себе (слушателю), что Я (герой) делаю» (цит. по: Агафонова).

В отечественной психологии также встречается понятие-обозначение организующей инстанции жизни человека, реализуемое в категории «*субъект жизненного пути*» (Рубинштейн, 1997). Сущностные характеристики субъекта – активность, самосознание, самодетерминация. «В психологии субъект конкретизируется как личность... В отличие от философского понимания субъекта как идеальной структуры, индивидуальный субъект находится в ситуации разнокачественных детерминаций. Категория субъекта как категория психологическая позволяет поставить проблему соотношения разных детерминант, которые либо определяются субъектом, либо определяют его» (Рубинштейн, 2000). Рядом с этой проблемой возникает и другая: «становление личности субъектом есть про-

цесс реорганизации включенных в деятельность психических и личностных свойств», поэтому, будучи субъектом своего развития, человек одновременно выступает и как объект собственного познания и воздействия. Соответственно, личность как объект собственного познания является второй инстанцией, которая также представлена в автобиографическом нарративе и может быть обозначена при помощи метафоры «герой повествования».

Каково же соотношение этих инстанций? С.Л.Рубинштейн, рассматривая человека как «субъекта жизни», говорит о двух основных способах его существования:

1. Первый из них – «жизнь, не выходящая за пределы непосредственных связей... такая жизнь выступает почти как природный процесс» (Рубинштейн, 1997). В данном случае человек как «субъект жизни» еще не вполне сформирован. Если он и реализует данное свойство, то интуитивно и спонтанно.

2. Второй способ обусловлен кризисами жизни и, как правило, требует от человека некоего выхода за свои пределы... Отсюда начинается путь, который ведет «либо к душевной опустошенности, ... либо – к построению нравственной человеческой жизни на новой, сознательной основе... с этого момента встает проблема ответственности человека за все содеянное и упущенное» (Рубинштейн, 1997). В данном способе существования человек как субъект собственной жизни раскрывается, в полной мере занимая осознанную жизненную позицию.

Но, когда мы рассматриваем эти два варианта реализации человеком собственной способности как субъекта жизненного пути, правомерно встает вопрос о том, являются ли способы, описанные Рубинштейном, однозначными и взаимоисключающими или они представляют собой противоположные полюса некоторого континуума? Пытаясь ответить на этот вопрос, мы отталкивались, прежде всего, от практики, поскольку только в практике, как нам кажется, можно увидеть реальные психологические феномены, которые далеко не всегда предвосхищаются и охватываются теорией.

Но прежде необходимо операционализировать понятие «субъект». Эта категория требует конкретизации ввиду широкого спектра ее применения и высокой степени абстракции. Для этих целей мы вводим в исследование метафору «*авторская позиция*», которая будет представлять категорию «субъект» применительно к анализу нарратива. Выбор данной метафоры не случаен, так как она, изначально появившись в литературоведении, служит аналогом философского и психологического понятия «субъект» применительно к анализу текста. Как литературоведческое понятие, «позиция

автора» имеет богатую традицию анализа, которую важно интегрировать в психологическое знание.

Таким образом, у любой истории жизни есть свой автор, равно как и герой. Для того чтобы проследить взаимодействие этих инстанций, мы обратимся к ситуации психотерапии, потому как именно здесь эти отношения представлены в развернутом виде и в известной степени вербализованы. *Автор* – это клиент в тот момент консультации, когда он присутствует «здесь-и-теперь». Непосредственно автор появляется именно в этот момент, потому что все другие ипостаси клиента уже облечены в опыт или ожидаются в будущем, уже оформленными в текст. Одна из основных характеристик автора – ответственность. Под этим понимается признание клиентом себя в качестве автора собственной жизни. Это означает, что он – творец, вольный принимать решения и придавать смысл тем или иным событиям истории своей жизни. В то же время у любой истории есть *герой* и то, каким он предстает перед нами, по большей части зависит от воли автора. Герой в консультации – это попытка автора определенным образом представить себя окружающим и самому себе. В то же время герой – это зачастую единственная ипостась человека, которую могут увидеть другие люди. Авторская позиция в автобиографическом нарративе является основной структурирующей силой, определяющей целостность, непрерывность и присутствие смыслов в истории жизни человека. Реализация человеком авторской позиции в написании автобиографического нарратива определяет степень его ответственности за проживание собственной жизни. Позиция автора – одно из ключевых структурных образований нарратива, от которого зависит все его оформление и сюжет.

Авторская позиция – инстанция нарратива, отвечающая за:

- организацию событий истории жизни;
- придание им смыслов;
- принятие человеком на себя ответственности за этот процесс.

Таким образом, встают два основных вопроса:

- каково соотношение инстанций автора и героя в автобиографическом нарративе?
- являются ли эти отношения однозначными и взаимоисключающими или они представляют собой континуум?

Увидеть *автора* в нарративе достаточно сложно, поскольку написанный и представленный им образ *героя* может заслонять собой реального человека, какой он есть на самом деле. Поэтому выделение в нарративе *знаков* автора становится особой и весьма важной задачей. В ходе нашего исследования мы анализировали тексты единичных психологических консультаций. Анализ позволял наглядно проследить возникновение знаков

авторской позиции в процессе диалога клиента с психотерапевтом, а также изменение отношения «автор-герой», которое претерпевало вполне определенную динамику. Важно подчеркнуть, что консультация строится по принципу диалога. Однако в иные моменты этот диалог представляется в известной степени формальным, поскольку выступает в виде череды монологичных высказываний клиента и (или) терапевта. Автора намного ближе удастся увидеть в тех точках консультации, где происходит встреча двух позиций и прояснение или изменение оснований (а также ведущих метафор, сюжетов, конфликтов) нарратива. Знаками такого диалога являются его непосредственность и неформальность, эмоциональная насыщенность текста, повторение каждым из участников диалога в своем высказывании элементов высказывания собеседника. В дальнейшем, говоря о диалоге, мы будем иметь в виду именно этот его вариант. В анализе психотерапевтических текстов, выполненном с помощью контент- и дискурс-аналитических методов, были выделены следующие *признаки авторской позиции и закономерности* их появления.

1. **Грамматическая конструкция предложений** – отсутствие Я в именительном падеже, безагенсные и псевдоагенсные конструкции (например, «мне приходится...», «необходимо, чтобы...»). Использование автором в своей речи подобного рода предложений можно расценить как свидетельство наличествующих у него представлений относительно того, что в его жизни действуют некие неподвластные ему силы (*Новикова-Грундт*, 2001; *Роджерс*, 1998). Скорее всего, человек, часто использующий в речи подобные конструкции, пытается передать ответственность за свою жизнь неким обстоятельствам и другим людям. Это утверждение выводится из гипотезы лингвистической относительности, согласно которой язык структурирует сознание, мышление и образ мира человека определенным образом. Данная гипотеза выдвинута в работах Э.Сепира и Б.Уорфа, где развивается идея, согласно которой процессы восприятия и мышления человека обусловлены этноспецифическими особенностями структуры языка. Те или иные языковые конструкции и словарные связи, действуя на бессознательном уровне, приводят к созданию типичной картины мира, присущей носителям данного языка и выступающей в качестве схемы для каталогизации индивидуального опыта. Таким образом, согласно этой гипотезе, грамматический строй языка навязывает его носителям определенный способ выделения элементов окружающей действительности. В рассмотренных нами консультациях, в процессе диалога терапевта и клиента, где эпизоды автобиографического нарратива сменяли друг друга, а какие-то из них требовали повторного возвращения к себе, количество предложений с пассивным залогом поступательно уменьшалось. Иначе говоря, тен-

денция автора передавать ответственность за собственный опыт внешним силам, теряла свою выраженность.

2. **Внутренние предикаты** – наличие глаголов, описывающих внутренний опыт («думать», «чувствовать», «ощущать»), что, в зависимости от частоты встречаемости, можно расценить как знак рефлексии. Персонажи консультации, описанные с помощью внутренних предикатов, по мнению некоторых исследователей, обладают в сознании автора внутренним миром, похожим на него (Новикова-Грундт, 2001). Наиболее часто внутренние предикаты появляются в момент диалога терапевта и клиента, что говорит о готовности клиента раскрыться перед другим человеком и доверить ему свои истинные чувства. На материале многих консультаций удавалось отметить значительное увеличение количества внутренних предикатов, что, скорее всего, говорит о готовности обращения автора к своему внутреннему опыту и служит своеобразным свидетельством продуктивности психотерапевтической работы.

3. **Императив** – повелительное наклонение, обращенное к себе как к другому. Императивы (конструкции со словом «должен», «следует») – одна из форм установок. Употребляемые автором в большом количестве, они становятся выражением «тирании долженствования», ригидности.

4. **Метафоры**. Появление метафоры в консультации – знак обращения автора к «резервуару» собственных смыслов и готовности к более глубокой работе. Особенно часто метафоры появляются в моменты диалога. Всегда и полезно, и интересно выделить общую тему метафор.

5. **Вводные конструкции**. Вводные слова, частицы и наречия также являются знаком авторской позиции и представляют континуум по параметрам определенности, вероятности, времени, пространства и т.д.

Континуум *неопределенность-определенность* (по возрастанию) образуют такие слова, как *некий, как бы (как-то), вроде, может быть, может, наверное, вероятно, возможно, скорее всего, конечно, действительно, именно, безусловно*. Характер данных вводных слов, скорее всего, свидетельствует о степени уверенности автора в сказанном. Те из них, что служат выражением неопределенности, как нам кажется, могут указывать на переживание клиентом нового опыта, который потенциально способен изменить проблемную историю его жизни. Поэтому появление слов такого рода мы расценивали в качестве благоприятного признака.

Временные изменения, отношение к результату: к этой группе относятся слова типа *еще, пока, уже*. В исследуемых консультациях прослеживалась любопытная закономерность. В самом начале консультаций, как правило, преобладают слова «еще» и «пока», а по мере приближения к их концу все чаще встречается «уже». Слово «еще» говорит о не начавшем-

сы и ожидаемом процессе, а «уже» – о его завершении. Следовательно, одним из показателей изменения нарратива клиента может быть появление слова «уже» в конце консультации.

Пространство: там, где-то, вот. Очевидно, что слово «там» обозначает далекий для клиента опыт, а слово «вот» – близкий, актуальный. Тем не менее, слово «вот» автор весьма часто использует в ходе консультации в моменты неопределенности, то есть рассказывая о далеком для себя опыте. Это действие позволяет ему утвердить новый опыт в реальности. Таким образом, указательная частица «вот» появляется в ситуации когнитивного напряжения и связана с полярными полюсами шкалы:

- рассказ о близком и понятном (при этом присутствует сложность отстранения от предъявляемого опыта);
- рассказ о непонятном, о чем сложно говорить.

Итак, обнаружив знаки авторской позиции в консультации, можно выделить *отношение «автор-герой»*, внутреннее содержание которого, как выяснилось в исследовании, далеко не однозначно. Только в художественном произведении автор целиком может воплотить собственный замысел и, тем не менее, это происходит далеко не всегда (например, в многочисленных случаях, когда автор вынужден подчиниться логике повествования). В данной статье мы предпримем начальные попытки описания некоторых особенностей этого отношения, которые удалось выделить в ходе анализа консультаций.

1. *Отстраненность.* Обычно отстраненность в отношениях «автор-герой» появляется после значимого и меняющего жизнь события или после глубокого жизненного кризиса (например, ситуации утраты или смены социальной роли – вступление в брак, материнство). Суть происходящего заключается в том, что автор уже изменился, а герой остался прежним. Поэтому, представляя себя консультанту как привычного героя, автор испытывает глубокий внутренний диссонанс с данным образом. Этот разрыв не всегда осознается автором и, как правило, проявляется в жалобах на тревогу, внутреннюю пустоту, непонимание сложившейся ситуации. Суть психотерапевтической работы в данном случае заключается в дописывании истории про значимое событие и последующую жизнь с акцентом на переживаниях автора здесь-и-теперь.

Так, например, к психотерапевту обратился Сергей – молодой мужчина лет тридцати. Сергей долго не мог решиться назвать причину своего прихода, говорил абстрактные вещи и не заканчивал некоторые предложения: «У меня такая проблема... Последнее время очень тяжело... Сложно об этом вслух сказать... Даже не знаю...». Терапевт не торопил

Сергея, используя эмпатические и проясняющие реплики. В результате клиент решил. Выяснилось, что несколько недель назад у него умерла мать. Он рассказал о том, что не может полностью осознать происшедшее, утрата была неожиданной, и он не может прийти в себя. Раньше он знал, что есть человек, который всегда поймет, поддержит, посоветует. Теперь этого человека нет. Тем не менее, по словам Сергея, за минувшее время с ним произошли серьезные перемены: «Я стал больше ценить близких... Я повзрослел... Мир по-другому ощущаешь... Я другой, другой!!!» В ходе консультации при поддержке терапевта клиент смог рассказать о последних днях жизни матери и о своей жизни после ее смерти. Кульминацией консультации стал вопрос терапевта о том, какие последние слова он мог бы сказать своей матери. Сергей попросил прощения и сказал о своей любви. После этих слов изменился весь строй речи клиента и содержание его высказываний. Он начал очень эмоционально и энергично говорить о том, что способен справиться с жизнью, что обнаружил в себе скрытые резервы и готов смотреть в будущее без страха. Речь Сергея изобиловала метафорами.

Как видно из истории, смерть матери стала для Сергея поворотным пунктом, мир разделился для него на «жизнь до» и «жизнь после». При этом разрыв коснулся и самоощущения, при котором стало как бы два Сергея: Сергей, привыкший рассчитывать на помощь и поддержку матери, и Сергей повзрослевший, вынужденный многие решения принимать самостоятельно. Но эти изменения не были вписаны в историю его жизни, поэтому смыслом его самого сильного переживания были следующие слова: «Я другой, другой». В ходе консультации клиент смог рассказать психотерапевту о последних трагических неделях, тем самым вписав их в свою историю. Но ключевым моментом консультации стало его мысленное прощание с матерью, что соединило две истории его жизни (до и после потери) и позволило окончательно примириться автору и герою.

2. *Слияние.* Слияние автора и героя в консультации проявляется в том, что клиент «плывет по течению», не пытаясь осмыслить свою жизнь и принять ответственность за нее на себя. Жизнь в повествовании такого человека предстает обусловленной действием внешних, не подвластных ему сил, хотя сам герой повествования может быть вполне активным субъектом. При этом попытки терапевта передать хотя бы в какой-то мере ответственность клиенту в начале работы терпят полный крах, сопровождаясь либо полным непониманием, либо агрессивной реакцией со стороны клиента. Данный тип взаимодействия автора и героя иллюстрируют следующие два случая.

В процессе одной из консультаций женщина средних лет, Анна, жаловалась на свою крайнюю зависимость от обстоятельств – отсутствие

работы и, соответственно, денег. Она убедительно, в ярких красках описывала всю безвыходность своего положения. Малейшие попытки терапевта прояснить ее собственные желания и потребности наталкивались на два типа реакций: «Ну, нет, Вы совершенно не так поняли» и знаменитое «Да, но...». По мере приближения консультации к концу Анна все более раздражалась. В конце концов, она резко завершила ее.

В повествовании Анны лишь одна она обладала внутренним миром, все остальные персонажи выступали как обезличенные объекты, оставаясь при этом главным источником ее жизненных неурядиц. Всю ответственность за решение проблем клиента пыталась переложить на терапевта. Тем не менее, даже в этой консультации присутствовал один явный знак автора – Анна завершила консультацию самостоятельно. Т.е. пассивная позиция терапевта предоставила пространство для рождения автора, и, исходя из этой логики, он просто не мог не появиться.

И второй случай: на прием пришла молодая девушка Галина, у которой не складывались отношения с ее избранником. Молодых людей связывал взаимный интерес друг к другу, тем не менее, история не получала продолжения, так как никто из двоих не был готов сделать следующий шаг, хотя знакомство длилось не первый месяц. «Я не знаю, что мне делать в этой ситуации. Все попытки проявить инициативу в моей жизни заканчивались неудачами. Но и он как будто чего-то ждет!!! Подскажите, что делать?!» Для девушки эта ситуация была тягостна и мучительна. На протяжении всей консультации Галина очень много говорила, перебивая терапевта и игнорируя его реплики. Тем не менее, терапевт настойчиво пытался прояснить желания Галины в этой ситуации: «Чего Вы хотите для себя в отношениях с молодым человеком? ... Какие варианты дальнейшего развития событий Вы видите для себя? ... Какой из этих вариантов был бы для Вас предпочтительнее?» К концу консультации Галина пришла к решению «подождать», заметив, что не хочет принимать скоропалительных решений. Однако она сказала также и о том, что этого молодого человека хотела бы видеть, скорее, другом.

Рассказывая терапевту свою жизненную историю, клиентка изобразила себя как пассивного и плывущего по течению персонажа. Этот образ поддерживался тем, что редкие попытки девушки изменить эту роль и действовать более активно заканчивались «неудачами» и разочарованием в подобном способе жизни. Речь клиентки была очень монологична. Обращения терапевта к ее желаниям и чувствам сначала игнорировались, но потом привели к переосмыслению проблемного нарратива. В ходе диалога с терапевтом девушка сделала выбор, приняв свою жизненную историю и своего персонажа такими, каковыми они являлись, и решила оставить все как есть, подчинившись «естественному ходу событий».

При анализе данной консультации может показаться, что отношения «автор-герой» не претерпели никаких изменений, потому как история клиентки, на первый взгляд, не изменилась. Однако здесь присутствует одна существенная деталь – девушка сделала окончательный выбор из позиции автора, сумев отстраниться от рассказываемой истории и задуматься о своих предпочтениях. Поэтому после этой консультации в ее истории произойдет эпизод, в котором она примет на себя ответственность за собственное решение.

Несмотря на имеющиеся различия, эти истории объединяет общая черта: нехватка авторского начала у той и другой клиентки. Это черта проявляется в неспособности отстраниться от повествования, выделить свои предпочтения, увидеть эпизоды, не вписывающиеся в ранее созданную и ставшую привычной историю. Подобный тип отношений автора и героя в известной степени характерен для проблемных нарративов многих людей, но в ситуации «слияния» такого рода взаимодействие распространяется на весь автобиографический нарратив.

Закономерно ожидать, что работа в таком случае будет, скорее всего, долгой, и связано это с тем, что подобные отношения между автором и героем начали формироваться уже в пору глубокого детства. Тем не менее, наиболее адекватными действиями терапевта, на мой взгляд, должна быть работа в режиме «здесь-и-теперь», прояснение чувств и желаний автора, а также неременная передача ему ответственности за собственную жизнь и придание ей смысла. Отдельно стоит отметить, что максимальная пассивность терапевта и проявляемая им поддержка по отношению к клиенту создают особое «незаполненное» пространство в консультации, которое буквально «взывает» к появлению автора, и автор, как правило, появляется.

3. *Конфликт.* Конфликт автора и героя может проявляться в несоответствии предъявляемого образа внутренним переживаниям. Отличие данных отношений от отношений отстраненности заключается в том, что в отстраненной позиции автор не имеет средств, чтобы приблизить к себе героя; а в конфликте у автора нет такого желания. В ситуации конфликта в истории клиента перед нами предстает образ, лишь в очень малой степени соответствующий истинному самоощущению автора (в крайней степени подобный феномен можно проследить в нарциссических и истерических расстройствах). Истории в этом случае отличаются большой красочностью и преувеличенным героизмом либо представляют собой «идеальную картинку». Однако сам клиент, в результате столь сильного несоответствия, переживает глубокий диссонанс.

Примером может служить случай Ирины, которая пришла на консультацию по поводу отношений между ее детьми. У Ирины, по ее сло-

вам, – идеальный муж, благодаря которому в семье царит полный достаток, к тому же еще и уделяющий много внимания детям. Отличные супружеские отношения – нежность и романтическая увлеченность. Примерные дети, послушные и любящие своих родителей. И вот только одна незадача – оставаясь вдвоем, ребята начинали ожесточенно драться друг с другом. «Почему же это происходит?» – задала вопрос Ирина психологу. В ходе беседы она очень нервничала, в своем повествовании часто останавливалась, прерывая фразы на полуслове. В ходе консультации Ирина категорически отказывалась говорить о себе, концентрируясь, главным образом, на детской проблеме. От дальнейшей работы она отказалась. Спустя год Ирина вновь пришла на консультацию. На этот раз она поведала об алкоголизме и изменах мужа, о побоях, которые переносили она и ее дети, о том, что муж выгнал ее с детьми из дома поздно ночью, и им некуда было идти. Выяснилось, что эти события происходили как раз в тот период, когда состоялась первая консультация. В новом рассказе Ирина говорила о том, что теперь всю жизнь посвятит только своим детям. В конце консультации терапевт договорился с Ириной о психотерапевтической работе.

История Ирины наглядно демонстрировала миф: «Мы – дружная семья». В первой консультации она пыталась предъявить фасад счастливой женщины, вот только дети, если бы не они, счастье было бы абсолютно полным. Однако речь подводила ее. Остановки происходили в моменты, когда некоторые фрагменты истории, не вписывающиеся в канву ее повествования об идеальной семье, прорывались в рассказ. Во второй консультации Ирина готова была посмотреть на историю своей жизни под другим углом. Пусть в новой истории она была несчастлива, выступала жертвой, но эта новая позиция позволила ей обратиться за помощью и начать психологическую работу.

Таким образом, в ситуации конфликта автора и героя мы всегда видим некоторый фасад, за которым скрывается совершенно другая история. В психологической работе в данном случае необходимо, во-первых, поддержать клиента в легализации скрытой истории, а во-вторых, начать писать новую историю на основе двух предыдущих. Новая история, скорее всего, будет менее красочной и далекой от идеала, но она будет наполнена истинными желаниями и смыслами автора.

4. *Диалог.* Гармоничные отношения, существующие между автором и героем, можно назвать диалогом. В таком взаимодействии автор воплощает себя в герое со всей возможной полнотой, принимая ответственность за ход истории и поступки героя на себя. В то же время он прислушивается к логике повествования и поэтому имеет возможность гибко относиться к созданию истории жизни и трактовке событий.

В психотерапевтической работе крайне редко можно встретить клиента, в нарративе которого преобладает подобное взаимодействие авторской позиции и образа героя. Работа же с таким клиентом представляет собой настоящее удовольствие. В качестве примера можно привести историю женщины пятидесяти лет.

Нину беспокоили нестабильные отношения с мужчиной, с которым она была в гражданском браке. Нестабильность проявлялась в том, что муж многое скрывал от нее, у них установился раздельный бюджет, и Нина никак не могла определиться со своим статусом и ролью в жизни этого мужчины. Повествование клиентки было достаточно развернуто, в нем присутствовала понятная логика и отчетливо прослеживалась авторская позиция (выражаемая во мнениях и предпочтениях клиентки). Между терапевтом и клиентом изначально сложился очень хороший контакт. Роль терапевта сводилась, главным образом, к поддержке клиента. Но ключевым этапом работы стал следующий диалог.

Т.: Нина, насколько я услышала, у Вас – достаточно непростая жизнь. Тем не менее, Вам удалось преодолеть многие трудности, и Вы не останавливаетесь и идете дальше, стремитесь к работе над собой... Имея все это в виду, как бы Вы могли себя охарактеризовать?

Н.: (Пауза.) Мне кажется, я сильная, я независимая женщина. Не боюсь трудностей и умею их преодолевать. Но еще я очень люблю свободу, и я хочу сама определять свою жизнь... Я так долго к этому шла...

Т.: И вот, видя эту независимую, сильную и свободную женщину перед собой, как Вы считаете, как ей стоит строить отношения со своим мужем?

Н.: (Пауза.) Мне кажется, я с Мишей потому, что в наших отношениях очень много свободы. Мы друг другу ничем не обязаны, и нас держат вместе только наши чувства. Он не пытается контролировать меня, как это делали другие мужчины, он уважает меня, но в то же время в наших отношениях всегда присутствует романтика. Он может неожиданно принести мне цветы или сказать о том, как любит меня. И наши трудности... я не хочу оставить все как есть, мне важно доверие... Я думаю, лучшим выходом будет разговор с ним.

...Через неделю Нина рассказала о разговоре с мужем и о совместном решении вести совместные финансы и больше открываться друг другу.

В данной консультации клиентка была изначально готова к работе и к изменениям в своей жизни. Поворотным пунктом стало открытие автору нарратива, который достаточно жестко «проводил свою линию» относительно того, как «должно быть» в образе героя. Увидев себя и свои отношения с мужем со стороны, Нина поняла логику повествования своей жизни и определила один из ее принципов: «Если хочешь быть свободен сам, дай свободу другому и наслаждайся ею». Произошла своеобразная

встреча автора и героя, которая определила дальнейшие изменения в истории человека. Подобный тип отношений «автор-герой», на мой взгляд, является целью психотерапевтической работы.

Таким образом, в данной статье мы затронули некоторые аспекты взаимодействия *автора* и *героя* в автобиографическом нарративе клиента. По всей видимости, отношения автора и героя в тексте клиента располагаются в рамках некоторого континуума, являя собой при этом формы вполне определенных феноменов, обозначенных как *отстраненность*, *слияние*, *конфликт* и *диалог*. Обращая внимание не только на содержание, но и на форму текста, психотерапевт может почерпнуть для себя важную информацию относительно характера изменений, происходящих с клиентом, и степени завершенности психотерапевтического процесса. Особо важными знаками является грамматическая конструкция предложений, авторские слова, метафоры, степень развернутости, логичности и завершенности нарратива, характеристики персонажей и фаза протекания основного конфликта. Обращение к этим знакам, в свою очередь, будет способствовать намного более продуктивному построению психотерапевтической работы.

ЛИТЕРАТУРА

- Агафонова Е.В.* Соотношение автора и нарратора в современном философском дискурсе (в контексте смерти субъекта), магистерская диссертация – <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/8145>.
- Знаков В.В.* Психология понимания и нарративная психология // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ. Выпуск 1 / под ред. Братуся Б.С., Леонтьева Д.А. – М., 2002.
- Новикова-Грундт М.В.* Текстовые методики в группе / Исследования обучения и развития в контексте культурно-исторического подхода. – М., 2001.
- Роджерс К.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. – М., 1998.
- Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. – М., 2000.
- Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. – М.: Наука, 1997.